

Афанасьева (дев. Шайхутдинова) Вера Сергеевна

Надежда. Вера. Любовь

Мои прадеды - Мергер Иван Яковлевич и Екатерина Яковлевна, жили в Поволжье, были они чистокровные немцы, жили в немецкой деревне, название не помню, много немцев сослали после войны, маминых родителей в том числе. Семья Мергер большая: Ирма, Фрида, Иван и Яков. Ехали они баржами, в трюмах. По дороге люди умирали, от холода, голода. Маме было лет 7, она многое помнила. Попали они в Светлую Протоку. Жили сразу в землянке, печку мастерили, делали лежанки. Всем Мергерам наша мама – Шайхутдинова Ирма Ивановна (в девичестве Мергер) двоюродная сестра.

Война закончилась, маме было 10 лет, она у нас 1935 года рождения. Когда объявили, что закончилась война, она достала красный сарафан, привязала его на палку, залезла на землянку, поставила этот флаг и все радовались!

Мама училась, закончила 4 класса, в Светлой Протоке была школа. Жили очень трудно, выжили за счет рыбы и богатой на ягоду тайги. Держали большое хозяйство: делали молоко, сметану, творог, но все сдавали, им ничего не доставалось. Мама вспоминала, что в тайне лазили в погреб и пальцем сметану ели, по верхушкам собирали.

Когда маме исполнилось 12 лет, её отправили в Медведево – очень большое поселение. Там жил комендант, который был надзирателем над спецпереселенцами. Паспортов ни у кого не было, все состояли на учете. В Медведево жили учителя, люди образованные, в достатке, подростков они держали в качестве помощников. К примеру, жена коменданта спит, а мама наша вставала и нянчилась. Прадед один раз в месяц приезжал и забирал деньги, сколько платили, не помню, мама всегда хотела домой, плакала, но домой её отпускали редко.

У коменданта была мама, пожилая женщина, и она нашу Ирму всему учила, как готовить, уток и рыбу чистить, как хозяйство вести, уборку, как тесто поставить. В 12 лет мама все это делала наравне со взрослыми. Дети работали как взрослые.

Было и смешное: комендант любил выпить, а семья не одобряла, поэтому, когда его жена уходила в туалет, комендант ставил маму к окошку следить, когда та вернется. Он за это время успевал в погреб сходить за бражкой и выпить...

Многие немцы очень бедно жили, мама из дома воровала продукты и прятала, потом отдавала им, потому что дружила с детьми. Мама говорила, кто любил работать, они не голодовали.

В 17 лет мама уже работала в рыболовной бригаде, там много немочек было. Работали на стрежпеске, на Оби. Бригада работала от колхоза имени Куйбышева, там она и познакомилась с моим отцом Шайхутдиновым Зинатулой Салахтиновичем (на русский манер - Сергей Алексеевич). У неё на то время уже был жених - немец, так было принято тогда, немец женился на немке, татарин на татарке. Родители мамы были против их брака, закрыли её на замок, но она через окно сбежала. Бабушка наша волосы на голове рвала, что мама так поступила. Мама вышла замуж в 19 лет, их не регистрировали, так как не было паспортов, когда сформировали колхоз, им выдали паспорта и они сбежали в Прохоркино. В Прохоркино родилась Надя, затем я - Вера, потом переехали в Вертикос, там уже родились Люба и Олег, нас, детей, стало четверо.

У нас мама, когда родила первую дочку – Надежду, у неё мечта была назвать дочь Катей, у неё маму Екатериной звали. Ей хотелось так назвать дочь. А отец назвал дочь Надеждой. Мама согласилась. Потом родилась я. Мама говорит: «Назовём Катей». Отец всегда звал маму не Ирма, а Ира. «Ира, у нас Надежда есть, давай теперь Верой назовём дочь» - говорил отец. Мама согласилась. Потом ещё одна дочь рождается, и мама снова твердит: «Назовём Катей!», а отец говорит: «Ира, у нас есть Надежда и Вера, теперь надо Любовь», и мама опять согласилась. А сын когда родился, назвали Олегом. Отец много читал, и у него был герой – Олеко Дундич¹, поэтому и назвал.

В доме было очень много книг и журналов, отец много читал, очень хорошо рисовал, мог с натуры сам нарисовать. У отца был каллиграфический почерк, очень красивый.

Когда жили в Вертикосе, мама с папой посменно работали на лесопильном заводе. Туда плотами сплавлялся лес, много-много леса. Я помню этот запах леса. На берегу везде лес лежал, огромными-огромными стопками. И вот детей родители оставляли и шли на работу.

Затем наш дед Салях позвал их в Стрежевой, они все там распродали и переехали в 1965 году в Стрежевой. Мама вспоминала, что корова прибежала на берег прощаться, громко мычала, а мама на пароходе навзрыд плакала. Такое зрелище не забудешь.

Приехали, здесь дядя Виталя – тёти Гали муж, встречал нас на тракторе с прицепом. Мы туда вещи загрузили и ехали от Колтогорска до деревни. Трактор был медленный, и я думала: «Господи, скоро мы, скоро мы приедем?». Потом показался свет столбов. Мы приехали поздно вечером. Тогда были фонарные столбы, которые светили до определённого времени, а потом отключались, и включались лампы с фитилём.

Жили у Саляха, одной большой семьей. Бабушка с дедушкой спали за ширмочкой, а мы все, несколько семей, в одной комнате. В полночь дед выключал лампу, и мы все ложились спать. Дед был у нас главой семьи, мы все жили в одном доме. Там где городской парк сейчас была лисоферма, мы туда на санях ездили. Мама на летнюю дойку плавала на мотоботе, рыбаки рыбачили на маленьких катерах «мётчик».

Отец наш, Зинатула, был ветеринаром, выучился по-молодости в Колпашево, плотничал, а мама сначала работала прицепщицей, стога сена для коров возили, а потом её перевели дояркой. В деревне была ферма, конюшня, телятник, молоканка.

Мама сама попросила председателя колхоза, чтобы ей выделили домишко. Дали захудалый, но мы и ему очень радовались. Отец, когда его увидел, сказал «Ира, наш же здесь всех задавит», а бабушка ответила: «Чем быстрее задавит, тем быстрее построимся!».

Дед, конечно, и братья - все помогали дом строить. Сначала, там где стадион, сруб поставили, а потом уже его разобрали и на постоянное место поставили, первому брату Яше помогли, потом наш дом подняли. Строились «помочами», так называлось, всей деревней: немцы, татары, кто-то мазал, кто-то сруб ставил, кто-то готовил. Работали дружно, а потом и столы накрывали...

В 1966 году стали появляться студенты, ставили лагерь, палатки, костры жгли, мы к ним на танцы ходили, так было интересно, здорово. Студенты все ходили в отличительной форме. Потом на домах при строительстве стали появляться названия этих стройотрядовцев. Город начинался строиться на наших глазах...

Немецкие бабушка с дедушкой говорили только на немецком, на завтрак, если попросишь хлеб с маслом, не давали, пока не скажешь «Дай бутерброд!». Они приучали нас к немецкому языку, и мама с ними общалась так же на немецком. Отец наш с татарской родней

¹ революционер, участник Первой мировой войны и гражданской войны в России

говорил только на родном, а с нами уже на русском. Нас специально не учили, мы понимали только некоторые слова.

Отец очень любил маму. Всё ей покупал, в Вертикосе жили, поедет по работе, а когда возвращался из поездки, всегда привозил маме ткани, и она нам все шила. Папа был хорошим плотником, он всем своим братьям шкафчики, тумбочки, рамы, крыльцо самое красивое в доме сделал. У нас очень красивый дом был на улице Северной.

Олега, нашего брата, убило током, ему 7 лет было, поэтому в помощницах у отца были дочери. Отец пилит, строгаёт, а я рядом, все инструменты плотницкие знала. Копна сена сами таскали жердями с отцом, дрова рубили, воду на коромыслах чалили, печь топили, скотину кормили, трудно было, но зато к труду приучили на всю жизнь.

Дружно в нашей родне жили, папа всегда ходил на берег к своему отцу. Наш отец, Зинатула, был очень чистоплотным и интеллигентным. Приучал нас к хорошим манерам. Он не приказывал, а всегда показывал собственным примером, например, вставал рядом и учил подметать пол - мести надо было, не отрывая веник от пола, чтоб пыль не поднимать. За стол садились все вместе, чавкать, фыркать нельзя, смеяться тоже запрещалось, если засмеёшься, ложкой получишь по лбу. Прежде чем в гости идти, отец наглаживал пиджак, белую рубашку, брюки со стрелочкой, ботинки брал в сумку, а перед тем, как зайти в дом, менял калоши на чистую обувь. Был очень чистоплотный, приучил нас к порядку. Мама-немка тоже была очень чистоплотная: тарелочка от меньшей к большей, белье при стирке надо выворачивать до уголков, развешивать красивое к улице, похуже во двор. Мама очень часто меняла шторы, к рождеству белила, часто мебель переставляла. Вышивала гладью, сама много шила, все делала красиво.

Дед Салахтин сумел собрать и объединить вокруг себя свою семью, поэтому у них такой сильный и успешный был клан. Они голода никогда не знали: у них и мясо, и сахар, и рыба – все было, одним словом, трудяги. Работали, объединившись. Один плотник, другой рыбак, третий охотник, строитель, швея, всё умели, работали дружно.

Мы тоже любили ходить к дедушке с бабушкой. Дедушка нас приучил к труду, насильно не заставлял, учил к труду играючи, и конечно, всегда вознаграждал. К труду через конкурс, игру, кто быстрее соберет - копейка. Каждому свой новенький инструмент, лопаточка, по возрасту и росту ведерочко. За столом дед сидел во главе, еда всегда была, но сахар он выдавал каждому по кусочку сам и если ты за вторым потянулся дед бил по рукам.

Когда я в школу пошла, родителям не до нас, все время на работе. И дед нас контролировал, проверял дневник, я старалась для деда, ради его похвалы. Я приходила, никогда меня не пропускал: «Покажи дневник!» и я, конечно, старалась получить хорошую оценку.

Школьная жизнь была очень интересной. Когда я пошла в первый класс, у меня было 6 одноклассников: Яша Мергер, Вова Эллерс, Петя Сайбуллин и девочки Маша Мергер, Лиля Динер и я – Вера Шайхутдинова. Учительницу звали Рувимова Вера Андреевна, она вела все предметы. Ох, курила она сильно, “Беломор”! Подойдешь к ней читать, а от неё так табаком сильно пахло... Строгая, жесткая, но хорошая. В школе жизнь была насыщенной: и учились, и дрова сами заготавливали и рубили, летом на практике грядки садили, пололи, урожай собирали. Мальчишки учились плотничать, девочки шили и вышивали. Были концерты, праздники, линейки торжественные, художественная самодеятельность, к каждому празднику готовились и выступали практически все дети. Все умели петь и танцевать, родители обязательно присутствовали на наших выступлениях. Жизнь была очень насыщенной и

интересной! При школе был интернат, из Колтогорска, Светлой Протоки приезжали дети, жили и учились здесь с 6 класса, садик деревянный.

Национальные праздники дома отмечали, дед и бабушка держали пост, готовили национальные блюда, конечно, баурсак, из местного – пироги с рыбой, уха. Объединение семей привело к новым рецептам: от немцев кухо, крандупрай. Они все у друг друга научились, национальные и местные традиции, все перемешалось. Наш дядя Яша вспоминал: «Пап, ну почему они все грибы кушают, почему мы грибы не собираем?». Отец отвечал: «Я не такой плохой рыбак, чтоб грибы кушать!». Мы раньше грибы не кушали, ели морковь, картошку, свеклу, рыбу, дичь, потом уже научились у других наций. Здесь и поляков, и латышей, кроме немцев и татар ссылали. Многие ссыльные завели новые семьи, а когда режим ослабили, и многие поужезжали к своим семьям, остались здесь одинокие женщины с детьми...

Мы когда повзрослели, наши семьи тоже стали интернациональными, старшая дочь вышла за татарина, средняя за русского, а младшая за украинца. И было у мамы три зятя – татарин, русский и хохол! Все нации перемешались...

Воспоминания записала А.Г. Мухаметдинова
2020 г.